

А.А. Сорокин

Влияние позитивизма на ранний фельетон Н.А. Некрасова

В теории публицистики существует много работ, посвященных процессу создания журналистского текста. Р.Г. Бухарцев в книге «Психологические особенности журналистского творчества» и Г.В. Колосов в работе «Публицистика как творческий процесс» делают акцент на индивидуальных качествах журналиста, особенностях его психологии, общей осведомленности. Другие исследователи, как А.П. Горбунов в труде «Публицист за рабочим столом» и М.И. Шостак в исследовании «Журналист и его произведение», опираются на технологические приемы создания текста и журналистский инструментарий. Ученые стремятся исследовать как сам текст, так и личность автора в момент написания, неизбежно исследуют и общественную обстановку определенного периода написания текста.

Особенности журналистики 1840-х годов обусловлены социально-идеологическими и политическими чертами времени, которое в истории получило название «сороковых годов» (конец 1830-х до 1848 года). Особое место занимает начавшийся еще в 1830-е гг. поиск правильных научных теорий, объясняющих устройство природы и общества, среди которых лидирующую позицию занял позитивизм. «Позитивизм (от лат. *positivus* - положительный), в общем смысле, – это направление философии, объединяющее единственным источником истинного знания конкретные науки и отрицающее познавательную ценность философского исследования» [10. С. 318]. Возникшая на пике традиций Просвещения, «положительная философия» была ориентирована на практическое взаимодействие людей с их окружением и противопоставляла себя философии прошлого, направленной на поиск глубинных сущностей, имеющих сверхчувственную природу. Позитивизму интересна действительная жизнь, настоящее, а не придуманные теоретиками потребности живых людей и способы их удовлетворения, в которых когда-то видели подлинную сущность бытия. С этой точки зрения становится актуальным вопрос о влиянии позитивизма на ранний фельетон Некрасова.

Надо признать, что «публицистичность – черта, присущая всем формам литературных и устных выступлений Некрасова; соб-

ственно публицистические выступления наиболее точно выражают гражданскую и литературно-эстетическую позицию Некрасова-поэта» [7. С. 361]. Недостаточность наших знаний о журнально-публицистической сфере творчества Некрасова рождает множество частных и общих вопросов. Особый интерес представляют «ранние фельетоны Некрасова» – это ряд публицистических текстов (фельетоны), написанных им до 1850 года, в момент активного формирования авторского метода и стиля.

Жанр фельетона не был сугубо журналистским, и «чистых» журналистов в начале 1840-х годов в России практически нет. Журналистикой занимались люди других профессий: дворяне, разночинцы-писатели. Фельетонист Некрасов одним из первых серьезно продвинул вперед принципы журнализма. Он изучал опыт Пушкина, Полевого и Белинского – наиболее ярких журналистов первой трети XIX века. Они публиковали на страницах газет и журналов не только художественные произведения, но и статьи, фельетоны, памфлеты, очерки, обозрения. Молодой Некрасов в это время находился под покровительством ряда столичных литераторов: Н.А. Полевого, С.Н. Глинки, Ф.А. Кони, В.Г. Белинского, – которые рассмотрели в юном писателе талант фельетониста. Уже в это время некрасовский фельетон под влиянием позитивистских тенденций приобрел специфическую черту – популяризатора научных достижений.

Его часто называют новатором. Б.М. Эйхенбаум писал о Некрасове: «Некрасов был явлением исторически неизбежным, необходимым» [13. С. 36]. Чтобы понять эту мысль, нужно вспомнить состояние русской литературы в момент становления Некрасова-фельетониста. Общая тенденция привела к тому, что к началу 40-х годов XIX века в русской литературе появился «кризис поэзии». А.Н. Некрасов пишет об этом времени следующее: «Век наш – век положительный; он так занят прозой жизни, что ему решительно не до стихов» [7. С. 22]. Стихи утратили былую популярность у публики, а прозаические произведения становились всё популярней и обнаружили способность выразить тенденции литературного развития той поры.

Прежде чем стать всем известным автором и преуспевающим редактором, молодой Некрасов приехал в западный Петербург. Передовой интеллигенции был присущ позитивистский взгляд на действительность, происходила трансформация разночинского сословия в прогрессивное буржуазное общество, но не на уровне жиз-

ненной практики, а на уровне прогрессивной идеологии, которая находила свое отражение в столичной публицистике. Отсутствие собственного жизненного опыта и встреча с передовой журналистикой, с отношениями в литературном мире обусловили переворот в мировоззрении: исторически неизбежно от юношеского идеализма Некрасов перешел к позитивизму. Надо отметить, что период 1840-х-1860-х гг. – это первый этап рецепции позитивизма в России, под влияние которого попадает молодой Некрасов. Для интеллигенции и прогрессивных сил сороковых годов позитивизм «...и философия, и умонастроение, отвечавшее общему стремлению общественной науки и всего русского общества к переменам» [5. С. 9].

Таким образом, в начале 1840-х годов у Некрасова складывается сугубо практическая – позитивистская – философия. Чтобы пробиться в журналистике, чтобы позже взяться за такой журнал, как новый «Современник», нужно было уйти от романтизма и идеализма, войти в мир позитивистского сознания, стать (по роду занятий) прогрессивным буржуа и выступить в роли популяризатора идей позитивизма.

В творчестве Некрасова можно выделить три периода отношения писателя к позитивизму. Если рассмотреть первый период, то речь идет о том, что идеи позитивизма в 40-е годы Некрасов принял как убеждение и перенес их в журналистскую, издательскую, коммерческую практику, стал искать «...прибыльных вдохновений для фельетонных статей» [7. С. 10]. Поток стихов прекратился. Некрасов оставляет поэзию и обращается к прозе, причем особый интерес испытывает к тем жанрам, которые получают широкое признание и социальное распространение в 40-е годы, – это очерк и фельетон. По мнению Е.И. Журбиной, многие фельетоны начала 40-х годов написаны на «примитивные, случайные темы (погода, новости, описание гуляний, балов и маскарадов)...» [3. С. 105] Закономерно возникает вопрос: в чем заключается специфическая черта ранней фельетонистики Некрасова?

Ранние фельетоны сразу же приобретали научно-социальный оттенок по целому ряду причин. Во-первых, мировоззрение молодого Некрасова базируется на неоспоримом авторитете науки, поэтому он так часто упоминает научные достижения и новинки. В фельетоне «Журнальные отметки» 1843 года Некрасов пишет: «Полюбуйтесь, например, хоть полиорамю – прекрасным и совершенно новым в своем роде изобретением» [7. С. 17.]. Во-вторых, «...первый фелье-

тон – «Провинциальный подьячий в Петербурге» – появился почти одновременно с «Мечтами и звуками» и удостоился похвалы Белинского, в то время как «Мечты и звуки» были им сурово отвергнуты» [9. С. 657]. Уход от лирической составляющей творчества был обусловлен и определенной задачей Некрасова, сводившейся к тому, чтобы каждый раз адекватно реагировать на ту ситуацию, которая возникала в конкретном пространственно-временном интервале – эта позитивистская установка нашла свою реализацию в жанре фельетона. С лирикой Некрасов решает повременить и сосредоточить внимание на прозе. Фельетон стал для Некрасова и важнейшей школой «убежденческой художественности», и первичным «полигоном» для трансформации жизненных наблюдений в литературные образы [8. С. 77]. В-третьих, под влиянием позитивизма в фельетонистику Некрасова вошла социологическая составляющая. Методы наблюдения, сравнения, математические методы (статистический анализ) повлияли и на художественный метод фельетониста, придав ему социально-критическую направленность. Некрасов быстро достигает большой типичности и социальной остроты. Появляются сатирические очерки о типически русских обстоятельствах. Описывается зачастую русский бытовой материал, даются социальные срезы российского общества, приводятся богатые статистические данные. Социализация и математизация становятся яркой чертой ранней фельетонистики Некрасова. В-четвертых, нужно отметить факт ухода Некрасова от простого описания городского быта. Очевидным становится его стремление к «физиологии» изображения современного общества, экономического и социального положения, во всех подробностях быта и нравов. Некрасов стремится раскрыть жизнь низших классов, показать его типичных представителей, представить их профессионально-бытовые характеристики.

В фельетонах молодой литератор вел непринужденный разговор с читателем; в свободной манере, часто прибегая к ироническим интонациям, рассказывал о пьесах и спектаклях. Фельетоны пропитаны духом позитивизма: остроумные, резкие, точные, своевременные, свободные и независимые, – одобренные В.Г. Белинским, они были той лабораторией, в которой оттачивалась система взглядов Некрасова-поэта. Петербургские новости и слухи даны в фельетоне в восприятии провинциального простака, Некрасов создает сказовую маску болтуна, даже несколько таких масок, и умело смешивает разговорный и литературные стили. Это типичный водевильный прием. И вся

манера раннего фельетона - обязательные каламбуры, обращения к публике и т. д. – идет ещё от водевиля. Довольно часто в легкую и непринужденную фельетонную «болтовню» врываются темы важные и серьезные: пропаганда новой «натуральной школы», но можно констатировать, что фельетоны, тематически связанные с театром, с литературой, с городскими окрестностями, не содержат в себе глубокой философской проблематики, место которой занимают размышления о практическом значении науки, особенно в области повседневной жизни, а на первый план выходит её практическая сторона, её достижения.

В фельетоне 1843 года «Журнальные отметки» Некрасов популяризирует научные достижения, говорит о них: «...4-го, 8-го, 11-го и 18-го марта вечера опытной физики, предметом которых будут электричество, гальванизм, магнетизм, гальванопластика и гальваническое золочение» [7. С. 18]. В представлении фельетониста научные достижения переворачивают жизнь человека и становятся источником исторического оптимизма. Техника – союзник человека в его стремлении к освобождению от природной зависимости, в его стремлении к свободе. В фельетонах появляется научная терминология, и сами названия фельетонов очень прогрессивны: «Журнальная амальгама» [7. С. 22]. Некрасов популяризирует такие научные достижения, как омнибус, дилижанс, железная дорога, паровоз, почта, телеграф, печатное дело, газовый фонарь, – всё это способствует облегчению жизни человека, и каждый раз фельетонист объясняет плюсы современных изобретений своему читателю.

Тема транспорта и железной дороги была популярна у позитивистов 40-х годов XIX века: «Итак, слушайте. Омнибус будет ездить по вышеречному тракту четыре раза в день туда и четыре обратно; цена за место в омнибусе в один конец в обыкновенные дни 25 копеек серебром, в праздничные и воскресенье – 30 копеек серебром... Удобств, которые сопряжены с этим прекрасным учреждением, невозможно всех перечислить» [7. С. 88]. Первая железная дорога – крупнейшая магистраль Москва – Петербург – стала сенсацией, на которую писатели откликнулись по-своему. Тема «железной дороги» нашла самое яркое отражение в лирике Некрасова. Текст стихотворения «Железная дорога» был написан в 1864 году, но к этому времени Николаевская железная дорога уже официально работала 13 лет. В нем дорога была представлена как символ нелегкой доли русского народа, а автор продемонстрировал гражданскую позицию рево-

люционного демократа, но к подобному взгляду на действительность писатель шёл долгие 20 лет.

В 1844 году был написан фельетон «Петербургские дачи и окрестности», в котором Некрасов говорит об исключительной пользе железной дороги и иронически отмечает, что железная дорога «никому уже не в диковинку» [7. С. 110]. Автор явно приуменьшает масштабы своего интереса, так как строительство железной дороги началось в 1843, а резонанс события только нарастал. Фельетонист преподносит «свежую» новость: «Впрочем, в устройстве самых карет придумана новость... Внутренность одной из карет устроена наподобие комнаты, так что если карету займет одно семейство, то может расположиться в ней так же удобно, как в собственной своей квартире» [7. С. 110]. Железная дорога - это роскошь того времени, и только единицы могли себе позволить путешествовать целой семьей в новых российских вагонах, что и вызвало ироническое отношение к подобной практике, распространенной в Европе. Фельетонист говорит не только о пользе дороги как о техническом достижении, но и рассказывает об инфраструктурных изменениях Санкт-Петербурга, связанных с её строительством: «Дорога эта быстро продвигается в вперед; у Знаменья (на углу Невского проспекта и Лиговского канала) уже стоит огромный и великолепный дом, где будет гостиница и откуда будут отходить в Москву паровозы...» [7. С. 111]. Фельетонист говорит о строительстве гостиницы «Октябрьская» и здания Николаевского вокзала (Московский вокзал). Отрицательной оценки строительства у Некрасова нет, как позитивист, он устремлен в будущее, его интересуют только преобразовательные процессы действительности: «Незаметно придет время, когда все работы будут окончены, когда задымится первый паровоз и, наполненный пассажирами, с пронзительным визгом двинется в путь» [7. С. 111]. Молодой Некрасов был склонен к идеализации позитивизма и связанного с ним прогресса. Надежда на светлое будущее видится фельетонисту во взаимопроникновении двух городов: «Петербург внесет в Москву свои элементы. Москва и Петербург свои – сколько разнообразия, сколько очевидной пользы вещественной и невещественной!..» [7. С. 111].

Таким образом, в этот ранний период творчества железная дорога – это инструмент прогресса. Позитивная роль новинки видится фельетонисту в слиянии городов, в конечном счете, в укреплении государства посредством установления транспортного сообщения. Оптимистический настрой Некрасова на позитивную силу науки не

лишён переживаний за цену прогресса. Некрасов с беспокойством спрашивал о конечной цели прогресса, о том, к чему нас этот прогресс ведет.

Подобный страх воплотился в фельетоне 1844 года «Петербургская хроника», примечателен рассказ о «политехно-магическом автомате Эльфодоре и мнемонических головах» [7. С. 170]. Некрасов пишет: «Автомат, сделанный Родольфом, имеет много качеств, общих нам с вами, имеющими честь именоваться людьми, и много таких, которых мы не имеем» [7. С. 170]. Машина, находящаяся на грани техники-магии-мистики, выглядит зловеще, человек уступает машине по всем параметрам, ему нет места рядом с ней. Человек уже не нужен, автомат живет сам по себе. Рационалистический позитивизм для Некрасова начал становиться иллюзией, вера в позитивизм без носителя этой идеи – человека уже невозможна. Природные и мистические силы напоминают человеку его место в этом мире, и самый простой способ это сделать – напомнить, что человек биологически смертен.

Ранние фельетоны Некрасова тяготеют к легкому литературному репортажу, репрезентации и несут функцию организации прогрессивных тенденций. Заслуга Некрасова в том, что он одним из первых начал отрывать журнальный фельетон от опоры на обыденный быт города и ориентировать его на «физиологии» действительности. Всё это приближает ранний фельетон Некрасова к «высокому» жанру, в тексте появилась передовая общественно-идеологическая нагрузка, доступная всем социальным слоям общества, чего не знал газетный фельетон конца 30-х и начала 40-х годов с присущей этим фельетонам энциклопедичностью и нравоучительной загруженностью. Взгляд Некрасова устремлен в будущее, он пытается идеализировать, пытается отрицать негативное влияние позитивизма на судьбу российского общества. Постепенно позитивизм как философское мировоззрение начинает представляться ему малоценным: оно духовно принижает человека, рекомендует воздержание в ответах на сокровенные запросы человеческого духа.

В этот период у Некрасова прослеживается внутренняя борьба идеализма и позитивизма. Молодой Некрасов ещё не знал, что идеалистическая философия не может посягнуть на позитивную науку, социальный идеализм, к которому он был склонен. За позитивизмом стояла историческая необходимость раннебуржуазной идеально-трудовой и научной «философии оправдания» в эпоху перехо-

да от дворянско-сословной к разночинско-демократической картине мира. Положительная сторона влияния позитивизма выразилась в борьбе Некрасова за науку, за демократизацию культуры, за внимательное, добросовестное изучение общества. Несколько лет работы в прозаических жанрах, а особо в жанре фельетона не прошли для писателя бесследно: проза чрезвычайно обогатила лирику Некрасова, обращая к современности усвоенные ею достижения русской поэзии предшествующих лет – прежде всего ее гражданские, народные начала, поэтические традиции Пушкина, Лермонтова. Предметом поэзии стала повседневная жизнь социальных низов, крестьянской и городской бедноты, разночинца. Как сильный человек, он публично никогда, да и непублично почти никогда, ни с кем не объяснялся, никому не жаловался и ни в чем не оправдывался, живя с сильнейшим идеологическим конфликтом. Так окончательно сложился противоречивый характер, в котором находились идеалистическая теория и позитивистская практика.

Библиографический список

1. Бухарцев, Р.Г. Психологические особенности журналистского творчества [Текст]. – Свердловск, 1996. – 220 с.
2. Горбунов, А.П. Публицист за рабочим столом: в поисках нужного слова [Текст]. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1993. – 198 с.
3. Журбина, Е.И. Некрасов, Достоевский, Герцен – фельетонисты [Текст] // Журбина, Е. И. Повесть с двумя сюжетами: о публицистической прозе. – М., 1979. – С. 105.
4. Журбина, Е.И. Теория и практика художественно-публицистических жанров: очерк, фельетон [Текст]. – М.: Мысль, 1990.
5. Климова, Т.В. Эволюция социологического позитивизма (на материале русской социологии 2-й половины XIX – начала XX века) [Текст]: автореф. канд. социол. наук. – М., 1996.
6. Колосов, Г.В. Публицистика как творческий процесс [Текст]. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 200 с.
7. Некрасов, Н.А. Полное собрание сочинений и писем [Текст]: в 15 т. – Т. 12: Статьи, фельетоны, заметки 1841– 1861. – Л.: Наука, 1995. – 507 с.
8. Пайков, Н.Н., Сорокин, А.А. Феномен некрасовского фельетона в контексте литературных исканий эпохи [Текст] // Вестник славянских культур. – № 3 (XVII). – М.: ГАСК, 2010. – С. 69–78.

9. Поэты сороковых годов [XIX века] [Текст] // История русской литературы: в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. – Т. VII. Литература 1840-х годов. – 1955. – С. 657–694.

10. Философский словарь [Текст] / под ред. М.М. Розенталя. Изд. 3-е. – М.: Изд-во политической литературы, 1972. – С. 318–319.

11. Шостак М.И. Журналист и его произведение [Текст]. – М.: Гендальф, 1998. – 96с.

12. Шишмарева, Е., Жуков, Л. Физиологический очерк [Текст] // Литературная энциклопедия: в 11 т. – [М.], 1929–1939. – Т. 11. – М.: Худож. лит., 1939. – С. 713–716.

13. Эйхенбаум, Б.М. Некрасов [Текст] // Эйхенбаум, Б.М. О поэзии. – Л.: Советский писатель, 1969.

УДК 808.1

А.А. Федотова

Гоголевские реминисценции в повести Н. С. Лескова «Гора»

Повесть Н. С. Лескова «Гора» (1887) представляет собой переложение проложного сказания «Слово о кузнеце, иже молитвою сотвори воздвигнутися горе и воврещися въ ниль реку». Между тем, присутствие в повести значительного числа гоголевских реминисценций служит сигналом ориентации текста на более широкий диалогический контекст. Установка Лескова на диалог предполагает необходимость интертекстуального анализа произведения, раскрытия системы литературно-стилистических призм, через которые пропущены изображаемые писателем события. Рассмотрим текст Лескова в контексте повести Н. В. Гоголя «Ночи перед Рождеством» (1832) и определим специфику актуализации писателем гоголевского текста.

В основе композиции «Слова о кузнеце, иже молитвою сотвори воздвигнутися горе и воврещися въ ниль реку» лежит принцип параллелизма. Сказание строится на сопоставлении двух эпизодов: сцены соблазнения кузнеца Зенона и сцены движения горы Адер. Перерабатывая текст Пролога, Лесков сохраняет событийный ряд и композицию претекста. Преобразование средневековой легенды связано с привлечением в качестве диалогизирующего фона для ключевых эпизодов произведения «Ночи перед Рождеством» Н. В. Гоголя.